

С КЕМ
ВСТРЕТИШЬ
НОВЫЙ
ГОД...

Машэр

Машэр

С кем встретишь Новый год...

«Автор»

2025

Машэр

С кем встретишь Новый год... / Машэр — «Автор», 2025

История одного зимнего вечера, в котором ничего не происходит по плану. О случайной встрече, тишине, старой гирлянде и времени, которое на несколько минут замедляется, чтобы дать человеку остаться.

© Машэр, 2025

© Автор, 2025

Машэр

С кем встретишь Новый год...

*«Открыть шампанское сразу или оставить закрытым
– так будет естественнее?»*

За три часа до Нового года квартира Кати была по-настоящему уставшей. Так устают не от времени, а от жизни, прожитой без пауз, без бережности. Здесь когда-то смеялись, торопились, любили – и всё это будто осталось в стенах, в воздухе, в скрипе половиц. Квартира хранила воспоминания о чьей-то счастливой юности, о вечерах, когда не задумывались о будущем, потому что оно казалось само собой разумеющимся. Теперь от той жизни остались только следы: обои, отходящие по углам, словно им больше не за что было держаться; потолок с потемневшими пятнами – не от сырости, а от равнодушия, которое накапливается годами. В этом доме равнодушие вообще было главной несущей конструкцией – оно держало стены крепче любых перекрытий.

Комната досталась ей как временное съёмное убежище. Слово «временное» за последние годы стало для неё почти определением жизни: временная работа, временные люди, временные обещания. Даже любовь оказалась временной – просто об этом не предупредили заранее.

На столе стоял пластиковый контейнер с оливье – покупной, ровно на одну порцию. Она не перекладывала его в салатник: в этом не было смысла. Рядом – бутылка шампанского. Не потому, что хотелось праздника, а потому, что так принято. Как будто соблюдение формальностей могло сохранить видимость жизни.

Украшений не было: ни ёлки, ни гирлянды, ни мишуры. Даже та странная новогодняя пыль, которая обычно появляется сама собой, будто город заносит её в дома вместе со снегом, – сюда не добралась.

Катя сидела на подоконнике и смотрела вниз. Кто-то внизу хохотал; трепет перед праздником передавался всем, кроме неё. Окна напротив загорались одно за другим – жёлтые, тёплые, чужие. Там кто-то ждал, суетился, накрывал столы, притворялся счастливым или действительно был им. Разницы уже не существовало.

Решение она приняла не сегодня. Просто сегодня оно стало точным. Без лишних слов и приговоров. Решение, которое должно было поставить точку – и тем самым изменить всё.

Не было истерики. Не было слёз. Не было крика о помощи – крики предполагают, что кто-то слушает. Была только усталость. Густая, пыльная, как затхлый воздух в квартире. Усталость от объяснений, от попыток быть сильной, от бесконечного «ничего, справлюсь». От того, что в двадцать пять лет вдруг оказалось: все большие слова уже использованы, а новых не придумали.

Ей изменили.

Будущий жених.

С подругой.

Вчера.

Не громко. Не драматично. Почти буднично – как это и бывает, когда рушится что-то по-настоящему важное. И дело было даже не в них. Дело было в том, что после этого исчез смысл стараться. Всё, ради чего она терпела, верила, откладывала себя, оказалось ненужным.

Она, конечно, рассказала об этом подписчикам. А смысл? Поддержка была – вежливая, правильная, пустая. Но, ведь, когда нужно настоящей поддержки, хочется не «как жаль» и грустный смайлик, а живого человека рядом.

Мысль о том, чтобы уйти, не была вызовом. Она была фантазией – тихой, почти утешительной: если исчезнуть красиво, под фейерверк, значит, жизнь была не просто так. Значит, хотя бы этот момент будет замечен. Услышан. Значим.

В двенадцать.

Под салют.

Чтобы не тихо.

Город между тем готовился к празднику, а она – к паузе, которая должна была стать концом. Комната молчала. И в этом молчании не было одиночества – только усталое согласие со всем, что уже произошло.

Катя перебирала последние мелочи – не вещи, а жесты:

«Открыть шампанское сразу или оставить закрытым – так будет естественнее?»

«Пить из бокала или прямо из горлышка – без лишних церемоний?»

«Сесть на подоконник или встать – чтобы не выглядит жалко даже перед самой собой?»

«Рассказать подписчикам или оставить всё как есть – громко, под салют?»

Эти вопросы не имели значения. Но именно они удерживали её здесь, в комнате, между минутами. Пока человек думает о таких пустяках, он как будто ещё принадлежит миру.

Вдруг тишину разрезал звук ключей.

Он был настолько неуместным, что сначала она подумала, ей почудилось. В этом доме часто что-то щёлкало и скрипело, жило своей жизнью. Но ключи звякнули снова, увереннее, и замок поддался.

– Здравия желаю, бабуля! – раздался мужской голос.

Он прозвучал слишком громко. Слишком живо. Как выстрел в библиотеке.

Катя вздрогнула. Внутри всё сжалось не от страха – от ярости. Так злятся, когда тебя вырывают из последнего сна резким звонком будильника.

В прихожей зажётся свет. Она поморщилась от внезапной яркости, как утром от первых лучей солнца. В комнату шагнул мужчина – куртка, сумка через плечо, короткая стрижка. Увидев её, он остановился и на секунду растерялся.

– А... простите, – сказал он после короткой паузы. – Бабушки нет?

– Нет, – резко ответила она. – И не будет.

– Понятно. А где... где бабуля?

– Понятия не имею, – сказала она, вставая с подоконника.

Он огляделся. Тёмная квартира. Непраздничная. Не пустая – чужая.

– Вы кто?

– Внук, – ответил он просто. – Бабушка сказала, что здесь пусто.

Это было уже слишком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.